

вытекающее из сущности дела решение. Если мы так будем рассуждать, для нас тотчас же станет ясным, что ни римские войска, ни их военачальники и меньше всего сам император не строили козней против Губаза. Ибо у них самих общеизвестно и установлено, что Рустик и Мартин, завидуя его счастью, были охвачены личной злобой, причем прочие вожди не только не помогали им, но даже болезненно перенесли случившееся. Бесчестно и сверх того бесполезно из-за вины одного или может быть двух дерзко нарушать общественные законы, которые мы привыкли соблюдать, так легко изменять весь распорядок нашей жизни, к которому мы так хорошо привыкли, выставлять себя предателями и дезертирами по отношению к тем, которые стоят на страже нашей страны, чтобы мы жили спокойно и безопасно и наконец, что является самым нечестивым, отказаться от истинной религии и священных тайн. Ибо это неизбежно произойдет, если мы перейдем на сторону ожесточеннейших врагов божественного имени. Если они запретят нам сохранять верность нашей вере, но принудят нас перейти к своей, что ужаснее этого для нас может быть — одинаково и для живых и для умерших? Ибо какую выгоду мы приобретем, если присоединим к себе (допустим, что это так) всю Персию, а погубим наши души. Но если даже сделают уступку и позволят (сохранить религию), прочного дружелюбия с их стороны по отношению к нам не будет, но будет неверное и непрочное, измеряемое одной только выгодой.

Ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных верований. При отсутствии застраивания и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов. Даже родственники, близкие и земляки, если лишаются единства взглядов, пользуются только именем дружбы, а на самом деле по отношению друг к другу являются совершенно чужими людьми. Итак, колхи, с какой доброй надеждой мы перейдем к персам, если они неизбежно окажутся нашими врагами, и ничего лучшего отсюда не произойдет для нас, кроме того, что мы тем легче будем притесняемы ими, так как гораздо труднее остерегаться скрытого врага, чем явного. Далее, если хотите, допустим, что все обстоит так (как говорит Эит), что это дело не противоречит ни справедливости, ни чести. И будем считать, что нравы персов постоянны и верны, что они всегда будут сохранять договоры и соглашения. Но, если даже это будет налицо, и у нас не будет никакого другого препятствия, то все же наши силы для этого предприятия недостаточны. В самом деле, каким образом мы перейдем к другим, когда нам угрожают Римляне, и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей? Каким образом мы избежим жесточайшего возмездия, когда те, которым надлежит притти нам на помощь, будут медлить вдали в Иверии или медленно оттуда двигаться, а те, которые будут осуществлять возмездие, занимают всю страну и обитают в наших городах“.

13. Хотя этот благородный человек и говорит, что они не выдержат и первого нашего нападения, используя в качестве довода то, что недавно случилось, но кто не знает случайностей войны и того, что она отнюдь не протекает в определенном порядке, и враждебная судьба не всегда будет преследовать тех, которые сейчас очень плохо ведут свои дела. Напротив, победа часто переходит к побежденным и исправляет превратности судьбы. Поэтому нам не подобает быть чрезмерно самоуверенными, как будто им уже предопределено сообразно своим нравам и привычкам во всех сражениях терпеть поражения. Если они побеждены только потому, что действовали не так, как должно, то этот